

Александр Андреев

БЕЛЫЙ КОВЧЕГ

Александр Ю. Андреев

Белый ковчег

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22579573
Белый ковчег: Эдитус; Москва; 2017
ISBN 978-5-00058-495-8

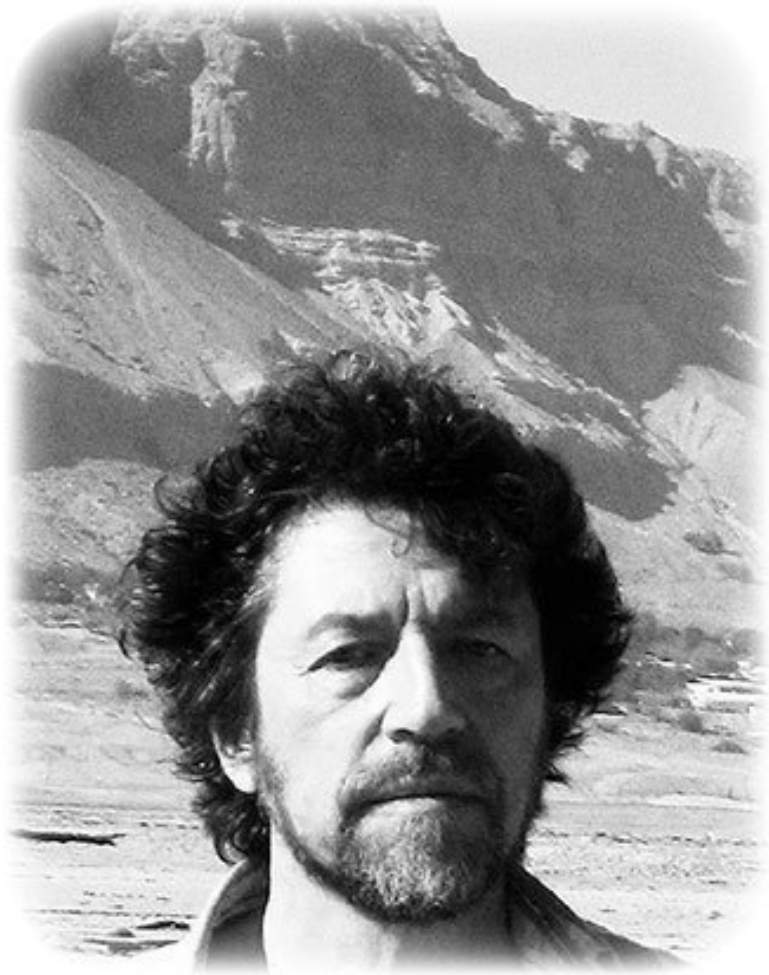
Аннотация

«Белый ковчег» – третья пьеса Александра Андреева, публикуемая издательством «Эдитус». Как и в первых двух – «Семь пятниц фарисея Савла» и «Нутелла» – в этой новой драме вновь появляется неумирающий ученик Иисуса Христа, автор Апокалипсиса – Иоанн, сын Зеведея. На сей раз действие разворачивается на придорожной заправочной станции, окруженной зарослями борщевика, поднявшегося выше человеческого роста. Уже который час не двигается с места многокилометровая автомобильная пробка. Пятеро путешественников решаются оставить свои машины на дороге и передохнуть в маленьком кафе на заправке. Постепенно становится ясно, что подобный лесу гигантский борщевик, наступающий со всех сторон – не совсем растение, а многоликое существо, способное не только говорить с людьми, но и раскрывать тайны происходящего с ними.

Содержание

Действующие лица	7
Первое действие	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Андреев
Белый ковчег

«Белый ковчег» – третья пьеса Александра Андреева,

публикуемая издательством «Эдитус». Как и в первых двух – «Семь пятниц фарисея Савла» и «Нутелла» – в этой новой драме вновь появляется неумирающий ученик Иисуса Христа, автор Апокалипсиса – Иоанн, сын Зеведея. На сей раз действие разворачивается на придорожной запра-вочной станции, окруженной зарослями борщевика, подняв-шегося выше человеческого роста. Уже который час не дви-гается с места многокилометровая автомобильная пробка. Пятеро путешественников решаются оставить свои маши-ны на дороге и передохнуть в маленьком кафе на заправке. Постепенно становится ясно, что подобный лесу гигантский борщевик, наступающий со всех сторон – не совсем расте-ние, а многоликое существо, способное не только говорить с людьми, но и раскрывать тайны происходящего с ними.

Действующие лица

СТАРУХА, Вера Аркадьевна, бывшая учительница литературы, 105 лет

ФОМА Еремеевич, друг Старухи, водопроводчик, 85 лет

ЮЛИЯ, бывшая школьная ученица Старухи, 50 лет

ИВАН, молодой человек с велосипедом

БОРОДАТЫЙ, продавец в магазине на заправке, 35 лет

НИНА, официантка в кафе на заправке, 25 лет

ЗАМШЕЛЫЙ, дед в зеленых прыщах

ДАНА, телохранительница Юлии, 35 лет

КСЮША, дочь Юлии, 16 лет

БОРЩЕВИК, говорящее растение-оборотень

Первое действие

Придорожная заправочная станция. Справа – вход в магазин с вывеской «Юлнефть», слева – вход с вывеской «Кафе» и два столика со стульями. Позади – заросли гигантского, выше человеческого роста, борщевика; в них виден пустой пьедестал от памятника. Жаркий день, ближе к вечеру. Из магазина выходит Бородатый в униформе с надписью «Юлнефть», принимаются.

БОРОДАТЫЙ. Что за гадость? Какой-то кислятиной несет и несет! И так – не продохнуть, жарница глобальная... *(Кричит в дверь кафе)* Нин, а Нин! Какая дрянь у тебя там прокисла, а?... *(Подходит к борщевнику)*. Ух ты! А тянет-то – отсюда! Запашок глобальнейший! Кто-то в этом борщевике подох, явно. Хорошая идея в такую жару: зайти в борщевик и подохнуть. *(Нюхает растение)* Ха! Да это ж он сам и киснет! Тьфу, мать твою налево: борщевик, и тот потеет! *(Кричит в дверь кафе)* Нин, а Нин! У тебя в холодильнике пиво осталось?... И где ее носит? *(Садится)*. А дорога все стоит и стоит, мать ее налево: тот же самый хренов джип у того же хренова столба... Ну до чего ж поганый день!

ГОЛОС БОРЩЕВИКА. Это – твой последний день.

БОРОДАТЫЙ. *(Озираясь)* Чего?!..

ГОЛОС БОРЩЕВИКА. Это – твой последний день.

БОРОДАТЫЙ. Это кто ж тут так шутит... глобально?

ГОЛОС БОРЩЕВИКА. Я не умею шутить.

БОРОДАТЫЙ. А ты – кто вообще? И где ты, мать твою налево?!

ГОЛОС БОРЩЕВИКА. Я – борщевик. Я – перед тобой. А мать моя – и налево, и направо: она – земля, из которой я расту. Скоро из тебя буду расти.

БОРОДАТЫЙ. Да ну?!.. А, может, в прятки закончим играть? Поговорим, как мужчины?

ГОЛОС БОРЩЕВИКА. О чем ты хочешь говорить с борщевиком, мужчина?

БОРОДАТЫЙ. Ну уж, кто ваньку валяет, тому и выбирать, про что говорим.

ГОЛОС БОРЩЕВИКА. Я – из земли: во мне голосов – тьма, и каждый свое говорит. Некоторые кричат. Вот один, слушай – уж давно в землю ушел, глубоко, а все кричит: Верю, настанет оно – счастье всех честных людей!

БОРОДАТЫЙ. *(Борясь с внезапной сонливостью)* Да ну?!..

ГОЛОС БОРЩЕВИКА.

Неотвратимо грядет мир без богатых и бедных:
Кто обездолен судьбою, те все обретут и воспрянут
К радостной жизни, к любви беззаветной! И эта идея
Стала из всех величайшей и гордым орлом воспарила,
Клеткотом грозным вещая смерть буржуазному миру!

БОРОДАТЫЙ. *(Постепенно засыпая)* Глобально!..

А тебе вообще, чего надо-то, а?..

ГОЛОС БОРЩЕВИКА.

Жажду, чтоб слово мое тем клеточкой стало орлиным:
Все, что мешает паренью великой идеи, клянусь,
Все сожжено будет в прах – ради всеобщего счастья!

Слышен рев подъехавшего мотоцикла. Входит Нина в униформе «Юлнефть» и в мотоциклетном шлеме.

НИНА. Ну и здоров же ты – спать в такое пекло!.. *(Тормозит его)*. Клиентов проспишь.

БОРОДАТЫЙ. *(Просыпаясь)* Нин, ты чего, мотоцикл брала? Без спросу?

НИНА. Прости, мне в детский сад надо было, срочно: сына чтоб на пятидневке подержали. Анна позвонила: уволилась она. Я одна на кафе осталась, без сменщицы, представь!

БОРОДАТЫЙ. И что? Я – третью неделю без сменщика, в магазине ночую, как тебе известно. Такое время: разбегаются все. Но надо ж как-то держаться, Нин. Если все, кто без сменщика остался, начнут друг у дружки мотоциклы тырить, что тогда будет?

НИНА. Хорошо тебе, одному! А что бы с ребенком было, если б я туда не сгоняла?

БОРОДАТЫЙ. А по мобильному договориться нельзя было?

НИНА. По мобильному деньги не сунешь. Кто за так чего делает-то? *(Отдает ему ключ).*

БОРОДАТЫЙ. И ты сперла ключ из моих шорт? Это, Нин – беспредел глобальный!

НИНА. Да автобусом же не проехать, пойми ты: вся дорога – пробка, сплошняком!

БОРОДАТЫЙ. И что, меня уже спрашивать не надо?

НИНА. Да не было тебя нигде!

БОРОДАТЫЙ. Где я мог быть, кроме сортира? Скажи уж, боялась – мотоцикл не дам?

НИНА. Боялась.

БОРОДАТЫЙ. Правильно боялась, Нин: чтоб в последний раз... Что ж за поганый запах?

НИНА. Да это – борщевик: от него в жару то ли кислым вееет, то ли тухлым.

БОРОДАТЫЙ. Я раньше не замечал.

НИНА. А я и сейчас особо не замечаю. Так что-то... вроде духов дорогих.

БОРОДАТЫЙ. Меня от этих духов мутит глобально... да еще и в сон морит.

НИНА. Этот борщевик, он – вообще странный. Разросся, как лес. Говорят – мутант. Слышал – что про него дед Лукич болтает?

БОРОДАТЫЙ. Это Замшелый, что ль?

НИНА. Ну да, Замшелый.

БОРОДАТЫЙ. И что же он говорит, твой Замшелый?

НИНА. А он говорит, что будто голоса оттуда раздаются.

БОРОДАТЫЙ. Голоса?.. Откуда?

НИНА. Да из борщевика. Но голоса эти только тот услышит, кому помирать скоро.

БОРОДАТЫЙ. (*Испуганно*) Помирать?!.. Мать твою на лево...

НИНА. Ты чего?

БОРОДАТЫЙ. Ничего... На жаре уснешь – такая дрянь приснится... А вроде полегче стало, ветерок задул... Нин, а Нин, давай, что ль, расслабимся, а? (*Пристает к ней*).

НИНА. (*Вяло сопротивляясь*) Прямо тут, что ль?

Средь бела дня? Клиенты же нагрянут...

БОРОДАТЫЙ. Да откуда? Пробка – ни с места; сюда не подъехать – ни за бензином, ни пожрать. Машину на дороге не бросишь. Все наши клиенты – до сортира и бегом обратно. Вон, три дамочки построились в черед. Ух ты, а с ними еще и – бабка в каталке!

НИНА. Ну, перестань, увидят же.

БОРОДАТЫЙ. Да не видно нас за борщевиком, Нин! Никто сюда носу не сунет, спорим?

НИНА. Ну не могу я здесь...

БОРОДАТЫЙ. Ну, хочешь, пошли ко мне в подсобку, на матрас... Ну, давай, Нин...

НИНА. Ой, смотри – дед какой-то, прямо сюда, на нас идет... пусти!

Входит Фома с сиденьем для унитаза.

ФОМА. Я извиняюсь, где тут туалет?

БОРОДАТЫЙ. Не туда пошел, отец. Там стрелочка была: «налево». По стрелочке надо.

ФОМА. Поглядеть бы, по какой стрелочке *ты* пойдешь на девятом десятке. Куда теперь?

БОРОДАТЫЙ. (*Показывая*) Теперь обратно и направо. И сиденье там есть, хорошее.

ФОМА. Сидение не для себя ношу.

БОРОДАТЫЙ И НИНА. А для кого?

ФОМА. Для прекрасной женщины.

НИНА. Для жены?

ФОМА. Мужем ей я быть недостоин. Она – учитель, а я – водопроводчик.

БОРОДАТЫЙ. (*Показывая*) Это случайно не та вон бабуля в каталке?

ФОМА. Никакая она не бабуля. Говорю же – женщина.

НИНА. (*Посмотрев туда*) Ишь, нарядная такая, не по дорожному, в белом воротничке!

ФОМА. У нее – день рождения.

НИНА. И сколько ж ей?

ФОМА. Ей сегодня – сто пять лет. (*Уходит*).

НИНА. Бывает же такое...

БОРОДАТЫЙ. Не бывает. Заврался дед глобально. Откуда ему – девятый десяток?

НИНА. Неужели и эти старики – туда же?

БОРОДАТЫЙ. Куда?

НИНА. Ты же говорил: все уезжают.

БОРОДАТЫЙ. Да, многие. Но есть и патриоты. Наше движение набирает силу: народ – с нами. Люди поняли, что только мы, бородатые, спасем эту страну.

НИНА. Ну да, ты говорил.

БОРОДАТЫЙ. Да, Нина, только Движение Бородатых остановит разграбление страны, потому что мы любим ее, как мать. А эти пусть едут, куда хотят (*махнув в левую кулису*).

НИНА. А что ж они всё – на машинах, почему на самолетах не улетают?

БОРОДАТЫЙ. Нет самолетов, Нина, нет. Проданы все самолеты.

НИНА. Кто ж их продал?

БОРОДАТЫЙ. Кто, кто... Ты будто не знаешь, кто у нас все продает? Кто довел нас до этой жизни? Бритые, мать их налево! Кто ж еще? Этой страной бритые править не должны, это – ошибка истории. А они везде засели, все разворовали, все распродали. Ну ничего, их власти скоро – конец, и с нами страна возродится. Потому что бородатые, Нина – честные патриоты. А те, что в пробке стоят, пусть катятся, без них просторнее будет.

НИНА. Тебе простору мало?... Женился б ты на мне, а? Чего тебе на мне не жениться-то? Я вроде – ничего. А что ре-

бенок у меня не твой, так я тебе и твоих нарожаю, что тебе?

БОРОДАТЫЙ. Если все будут жениться, кто страну спасет?

НИНА. Да какую страну? Где она, страна-то? Это я – страна, я, замученная работой баба! А мне страна – мой сыночек, только он мал еще совсем. И нет у меня больше ничего. Ничего! А у тебя что? Мотоцикл? Дружки на мотоциклах – погудеть на дороге, да пива попить, да про страну поговорить?

БОРОДАТЫЙ. Это, Нина – мои товарищи по борьбе.

НИНА. А поженились бы мы, и был бы ты у меня, а я – у тебя, и уехали бы мы с тобой – хоть к черту в зубы. И была бы у нас с тобой страна – где б сами захотели. А одной – куда мне?

БОРОДАТЫЙ. И ты, значит, туда же? Эх, Нина, не думал я...

Входит Иван с велосипедом.

ИВАН. Здравствуйте. Мое имя – Иван. Я случайно слышал, что вы хотите спасти страну.

БОРОДАТЫЙ. Вам послышалось.

ИВАН. Разве вы не хотите?

БОРОДАТЫЙ. А вы?

ИВАН. Мне это не под силу. Только вы уж, ради бога, не думайте, что я – осведомитель.

БОРОДАТЫЙ. С чего мне так думать? С чего мне вообще о вас думать? Я вас не знаю.

ИВАН. Вы – осторожный человек, но этого так мало, чтобы кого-то спасти! Вы не разбираетесь в людях: как же вы разберетесь в том, кого нужно спасать и от чего?

БОРОДАТЫЙ. Вы что-то хотели купить? Бензин вам, думаю, ни к чему.

НИНА. Есть соляночка. Есть борщ холодный – в жару хорошо, покушайте.

ИВАН. А борщ вы не из борщевика готовите? *(Показывает на борщевик).*

НИНА. Да что вы, бог с вами, как же такое говорить можно!

ИВАН. Я не обидеть вас пришел. Я всех спрашиваю об этом растении. В ваших краях оно разрастается с удивительной силой. Мне говорили, что здесь его едят.

БОРОДАТЫЙ. Вы – не ботаник? Не скажете, почему от него дохлятиной пахнет?

ИВАН. Я – не ботаник. Я думаю, что земля хочет говорить с людьми. Но то, что она хочет сказать, не всем будет приятно слышать. Когда-то это должно было начаться.

БОРОДАТЫЙ. Начаться – что?

ИВАН. Конец. Когда-то должен начаться конец. Время на исходе... Про этот борщевик говорят, что его испарения вызывают галлюцинации. Может быть, и так, но это – лишь внешность того, что происходит: земля заговорила с челове-

КОМ.

БОРОДАТЫЙ. Сказано глобально. *(За спиной у Ивана крутит пальцем у виска).*

Входит Ксюша, останавливается, уставившись на Бородатого.

НИНА. *(Ивану)* Вам бы с Лукичом поговорить. Есть тут такой дед, Замшелым его прозвали: лицо у него в зеленых прыщах. Он этот борщевик ест постоянно. Питается им...

Бородатый убегает в магазин, зажав рот.

Худо ему что-то, пойду, присмотрю, вы уж извините. А если вам Лукич нужен, то езжайте вперед по пробке *(показывая в левую кулису)* и направо, на бетонку поворачивайте. Там увидите: вся деревня – четыре дома, остальные заколочены. Живут одни старики. Спросите Замшелого, вам покажут. *(Ксюше)* Вы что хотели, девушка?

КСЮША. Косяк есть? *(Достает деньги).* Вот – бабло.

НИНА. Иди-ка ты, девонька, к папе с мамой, пока я тебя сама к ним не отвела. *(Уходит в магазин).*

КСЮША. *(Ивану).* Эй, чувак, косячок дашь? Можем по-барахтаться по-быстрому.

ИВАН. Думаю, что я не понял вас.

КСЮША. Да хорош тормозить-то! У тебя дурь есть? За

косяк, хочешь – бабло, хочешь – лав сделаем?.. Ну, все – маза кончилась: моя родилка сюда прётся.

ИВАН. Если я хорошо вас понял, сюда идет ваша мать, и вы этому не рады.

КСЮША. Ну, триндец... Да у меня от нее – полный даун!

ИВАН. Мое имя – Иван. Мне так жаль вас: вы – существо крайне слабое духом, без всякой собственной воли. Я думаю, ваша мать вас подавляет, а вы настолько слабы, что неспособны даже подчиняться, и не знаете, как это бывает хорошо. Если б вы могли вообразить себе два тысячелетия полного одиночества!.. Поверьте на слово: ваша жизнь не совсем плоха, пока у вас есть мать. (*Уходит*).

КСЮША. Отпад!.. (*Вслед ему*) Эй, чувак! Я не врубаюсь: ты чего, две тыщи лет живешь? Если – под дурью, то я и десять могу, ништяк!

Входит Юлия, оглядываясь на Ивана.

ЮЛИЯ. (*Волнуясь*) С кем ты говорила, Ксения?.. Кто это?

КСЮША. Без понятия. Задвинутый какой-то. Бабахнутый на всю башню. Я пошла.

ЮЛИЯ. Ты опять клянчила наркоту?.. Ты опять украла у меня деньги?

КСЮША. Если б за все твое бабло можно было вернуть

отца, я бы у тебя всё потырила.

ЮЛИЯ. Ты хоть что-нибудь чувствуешь ко мне, кроме ненависти, дочь?

КСЮША. Потрындеть охота? Вон, твой сервис чешет, с ней и трынди.

Ксюша уходит. Входит Дана.

(Вслед Ксюше) Я же с тобой разговариваю... *(Дане)* Дана, а как же там Верушка, одна?

ДАНА. *(Говорит с акцентом).* Пришел Фома Еремеевич вместе с ее сидением. Вера Аркадьевна сегодня очень добро себя чувствует. Она хочет обойтись со своей помощью.

ЮЛИЯ. Ты видела велосипедиста?

ДАНА. Конечно, я видела.

ЮЛИЯ. Как тебе показалось, сколько ему лет?

ДАНА. Мне показалось двадцать пять лет.

ЮЛИЯ. *(Рассеянно)* Да... мне показалось так же... Выходит, что мне показалось.

ДАНА. Юлия, ты увидела знакомого друга?

ЮЛИЯ. Если б я его увидела, он бы сейчас был на тридцать лет старше.

ДАНА. Ты печальна, Юлия. Ты печальна о ком-то через тридцать лет? В мире бывает мужчина, такой дорого ценный, кроме Бога?

ЮЛИЯ. Бога я не знаю. Драгоценных мужчин – тоже. Но

его... забыть невозможно.

ДАНА. Я не имела такое. Я думаю, Бог захотел, чтобы ты его немножко узнала, и дал тебе такого мужчину. Ты не говорила мне. Я – твоя охрана, но еще я – чуть-чуть твоя подруга.

ЮЛИЯ. Конечно, Дана. Просто, о нем я ни с кем никогда не говорю.

ДАНА. Как его имя?

ЮЛИЯ. Иван.

ДАНА. Почему ты не забудешь его?

ЮЛИЯ. Ему было двадцать пять лет, но он читал жизнь, как книгу, выученную наизусть, словно прожил двадцать пять столетий. Он говорил невозможные вещи, но я ему верила.

ДАНА. Что он говорил тебе невозможное, что ты верила? Скажи мне.

ЮЛИЯ. Он говорил, что все люди, чего бы они ни искали, ищут только любви.

ДАНА. Это невозможно верить.

ЮЛИЯ. Да... Но он говорил так, будто стеснялся, что знает. И я верила... А он взял и пропал. Исчез бесследно... Что-то я заболталась... Знаешь, что, Дана: давай-ка сюда все наши запасы. Столики есть; у Верушки – день рожденья: устроим ей праздник.

ДАНА. Мы оставим на дороге нашу машину?

ЮЛИЯ. Куда она денется? Дорога стоит, и, черт ее знает,

сколько она так будет стоять. Чует мое сердце: не простая это пробка. Неси все, что есть, и скажи Фоме Еремеичу, чтобы Верушку сюда катил. Ксении передай, что, если не явится к столу, отберу планшетку.

Дана уходит.

ЮЛИЯ. *(Одна)* Господи, Иван, неужели это был ты?.. Нет, это невозможно – совсем не измениться за столько лет! Это – какой-то мальчик, а я чуть не закричала, дура старая...

Из магазина выходит Нина.

НИНА. Вы что хотели, женщина?

ЮЛИЯ. Женщина хотела отпраздновать день рождения своей старой учительницы. Этих двух столиков нам хватит. Еда у нас своя.

НИНА. Ну, что-нибудь-то закажите и сидите, сколько захотите.

ЮЛИЯ. Закажем обязательно. Коньяк есть у вас?

НИНА. А как же? Есть очень даже хороший, если подороже. И водка отличная.

ЮЛИЯ. Давайте и то, и другое, и подороже. Ну и там, рюмки, тарелки – на пятерых.

НИНА. Присаживайтесь. *(Уходит в кафе).*

Из магазина выходит Бородатый.

БОРОДАТЫЙ. Бросили машину на дороге? А если пробка тронется?

ЮЛИЯ. Объедут.

БОРОДАТЫЙ. Это – конечно... Чувствуете запахок?

ЮЛИЯ. Пахнет бензином.

БОРОДАТЫЙ. И все?

ЮЛИЯ. А что еще?

БОРОДАТЫЙ. Да так... ничего... Бензин, кстати, можно купить с канистрой: до машины я вам ее донесу.

ЮЛИЯ. У меня – полный бак.

БОРОДАТЫЙ. Запаслись бы: там бензин – дороже.

ЮЛИЯ. Где – там?

БОРОДАТЫЙ. Там (*показав в левую кулису*), на чужбине. Вы ведь за границу уезжаете?

ЮЛИЯ. Уезжаю, куда надо.

БОРОДАТЫЙ. Вот так все и говорят.

ЮЛИЯ. Кто – все?

БОРОДАТЫЙ. Все вы, кому на родину плевать. Пусть она себе сама спасается, да?

ЮЛИЯ. Ясно... Ты вот что, патриот, скройся с глаз моих, а то я рассержусь.

БОРОДАТЫЙ. И что будет?

ЮЛИЯ. А ничего не будет... хорошего. У меня сегодня праздник, понимаешь? А кто портит мне праздник, тот рис-

кует испортить себе все оставшиеся праздники.

БОРОДАТЫЙ. Сказано глобально. Только я – не пугливый.

Из кафе выходит Нина с подносом. Входит Дана с сумками. За ней – Ксюша с планшетным компьютером, замирает, уставившись на Бородатого. Дана с Ниной накрывают столики.

ЮЛИЯ. Ксения, это – неприлично! Сядь, пожалуйста... И отвернись!

ДАНА. (*Пристально глядя на Бородатого*) Юлия, какая-то проблема в этом человеке?

ЮЛИЯ. Думаю, нет – если человек просто уйдет и захватит проблему с собой.

БОРОДАТЫЙ. Я вообще-то – на работе, если вы не в курсе.

ДАНА. (*Бородатому*) А ты – хорошо в курсе, кто тебе давал твою работу?

БОРОДАТЫЙ. И кто же мне ее давал, интересно узнать?

ЮЛИЯ. Дана, не – стоит!

ДАНА. Хорошо, Юлия, я только представлю меня. (*Бородатому*) Я – Дана. На моей земле я – чемпионка в борьбе. Это – достаточно приятно познакомиться?

БОРОДАТЫЙ. Забавно говоришь! А чего ж ты не на своей земле борешься? У нас тут чемпионов хватает. Откуда

ты, такая строгая? Глаза-то у тебя вроде – славянские, мягкие.

ДАНА. Да, моя мать – сербка. Но моя другая половина – дикая кровь, жестокая. Для тебя лучше уходить.

Входит Фома, везя в кресле-каталке Старуху с сумочкой на коленях.

ЮЛИЯ. (*Старухе*) Верушка, если вы – не против, мы прямо сейчас, вот тут, отпразднуем ваш день рождения. Немножко пахнет бензином, зато здесь – тень и столики. Хорошо?

СТАРУХА. Все прекрасно, Юлька. Прекраснее быть не может: прожить сто пять лет и еще что-то соображать. Вези меня, Фома, к столу, будем веселиться. (*Бородатому*) И вы, голубчик, не знаю, как величать, будьте гостем. Всех приглашаю!

БОРОДАТЫЙ. Да нет уж, спасибо, я тут – лишний. (*Уходит в магазин. Ксюша утыкается в планшетку*).

СТАРУХА. Кто его обидел?

ЮЛИЯ. Он пытался обидеть *меня*, но у него не получилось.

СТАРУХА. Да уж, ты себя в обиду сроду не давала. Не забуду мальчишку, что впереди тебя сидел и все авторучку ронял на пол, чтоб нагнуться и к тебе под юбку заглянуть. Ты помнишь, какую штуку ты с ним выкинула?

ЮЛИЯ. Еще бы!

СТАРУХА. *(Смеется).* Я до сих пор, как вспоминаю, хочу. Представь, Фома, эта паршивка взгромоздилась на его парту с ногами, встала, юбку вперед оттянула и говорит: «Теперь всё увидел, урод?» Он, бедный, покраснел до слез и неделю в школу не приходил. Юльку хотели исключить, да я заступилась. Наша директриса шуток не понимала: я с ней говорю серьезно так, а сама от смеха давлюсь.

ЮЛИЯ. Как я люблю ваш смех, Верушка! Вы всё – как девочка. Но давайте уже сядем, и я скажу тост. Фома Еремеич, налейте мне и себе...

ФОМА. Так за рулем я, как же?..

ЮЛИЯ. Бросьте, Фома Еремеич, не поедем мы сегодня никуда, помяните мое слово. Если я ошибаюсь, тем лучше, и вашу машину поведет Дана: она все равно пьет только сок.

ФОМА. А свою вы сами поведете? После выпивки? И Вера с вами?

ЮЛИЯ. Так и быть, пересажу Верушку к вам, чтоб вы не тревожились.

ФОМА. Да вы-то как же за руль сядете?

ЮЛИЯ. За меня не бойтесь: у моей машины – номера волшебные. Меня никто не остановит, наливайте смело. Ксения, возьми свой сок и оторви глаза от планшетки.

СТАРУХА. погоди, Юлька, сядь, первый тост мой будет. И оставь ребенка в покое. Налей мне, Фома, каплю коньяку, да помоги подняться на ноги.

ФОМА. *(Наполняя рюмки)* Ты уже сегодня много стояла, Вера: устанешь.

СТАРУХА. Сегодня – мой день, и я чудесно себя чувствую. *(Встает с помощью Фомы, берет рюмку)*. Почему не у всех в руках бокалы? *(Нине)* Вы – что же, милая девушка, не хотите выпить за мое здоровье?

НИНА. Я – на работе.

СТАРУХА. Вы часто пьете за столетних старух? Буду стоять, пока не возьмете бокал.

НИНА. Ой, я – мигом! *(Убегает в кафе и возвращается с рюмкой)*.

СТАРУХА. Фома, налей девушке коньяку. Что ты в меня так вцепился? Уж если я встала, то не упаду... Ну вот, теперь все хорошо... Дорогие мои! Вы не знаете, не можете знать, как я счастлива – оттого, что вижу всех вас. Вы не можете этого знать потому, что еще не жили настоящей жизнью, которая начинается только тогда, когда к мысли о смерти привыкнешь, как к своему дому. Так жаль, что мало, кто доживает до этой настоящей жизни, когда просто радуешься, что рассвело, и можно взглянуть в окно и увидеть деревья. Но у меня есть больше, гораздо больше. У меня есть ты, Фома – ты, который любишь меня всю жизнь и ничего за это не требуешь. У меня есть ты, Юлька, моя ученица-хулиганка. Ты просидела у меня на уроках литературы всего-то четыре года, а, поди, уж скоро сорок лет, как ты меня не оставляешь. Не возьму в толк, за что мне такая радость: ведь забвение –

вещь естественная. Теперь тебе вздумалось увезти меня куда-то, где я увижу океан. Я мечтала об океане еще девчонкой и давно про это забыла. Наверное, я совсем выжила из ума, но согласилась ехать с тобой, не раздумывая. А если я и впрямь доеду до океана, то, наверное, уверую в Бога: я и сейчас уже не знаю, куда мне еще девать мою благодарность за жизнь. Я пью за жизнь и за благодарность, которая и есть счастье. (*Выпивает*).

ФОМА. (*Выпив и усаживая Старуху*) Спасибо тебе, Вера, на добром слове, да только меня у тебя скоро не будет. Дай бог тебе счастья на твоём океане.

СТАРУХА. Я только хочу посмотреть на него.

ФОМА. Но ты уже не вернешься.

СТАРУХА. Может быть, и нет. Мне сто пять лет, Фома.

НИНА. А что ж вы, его-то с собой не берете, что ль?

СТАРУХА. Да не хочет он. Проводит меня до границы и – домой.

ЮЛИЯ. Фома Еремеич – гордый человек. Хочет на свою пенсию жить. Как – непонятно.

ФОМА. Ничего, тут я своими руками, хоть каких денег-жат, да раздобуду: не разучился еще краны прикручивать. А там – что? Сам по-иностранному – ни бельмеса, а пойду у заграничных водопроводчиков работу отбивать? Это ж – курам на смех, да и позорно.

НИНА. (*Старухе*) Вы уж меня извините, я подумала, что друг он вам, ну... вроде мужа...

СТАРУХА. *(Смеется)* Жених он мне, жених. Семьдесят лет уж, как жених.

НИНА. Как это?

СТАРУХА. А он, как меня увидел – мальчишка пятнадцати лет – так и влюбился. Я-то в тридцать пять еще хороша была, хоть и вдова. Он с отцом своим трубы у нас менял в доме. В первый день все глядел на меня, оторваться не мог и молчал, а на второй улучил минутку, пока родитель не слышал и говорит: «Вера, дело в том, что я тебя обожаю больше, чем даже мамашу мою и папашу моего, и жить без тебя никак не могу». Я ему ласково так отвечаю, что мне это очень приятно, но старшим нужно говорить «вы». А он заупрямился: какая ж ты, говорит, мне «вы», если я на тебе жениться хочу? Я ему объясняю, что не могу его в мужья взять – молод он для меня. А он от обиды покраснел, голос дрожит: возьми, говорит, меня пока хотя бы в женихи. Ну, я и взяла.

НИНА. Надо же... А дальше?

СТАРУХА. А дальше, сколько я квартир ни меняла, а он – за мной, из одного дома в другой: водопроводчиком устранивался. Доставал для меня самые лучшие краны, раковины, все делал. Я у него уроки проверяла, книжки читать заставляла, а он меня все замуж звал. Потом перестал. Передумал, видно: уж больно стара стала.

ФОМА. Ты, Вера, все смеешься, а я бы и сейчас за счастье посчитал тебя женой назвать. Только поумнел я малость: понял, что не достоин.

СТАРУХА. Будет глупости-то болтать, Фома. Ты – мой жених, женихом и оставайся. Подумай: кого б я еще могла называть таким прекрасным словом? Таких нет и не бывает.

НИНА. А вы, значит, так и остались незамужняя?

СТАРУХА. Да. Мужа своего так и не смогла забыть.

НИНА. Надо же! За такую жизнь... А мужа вашего, наверное, на войне убили?

СТАРУХА. Нет, милая девушка, не на войне. Расстреляли его как врага народа.

Из магазина выходит Бородатый с матрешкой. Ксюша отрывается от планшетки, уставившись на него.

БОРОДАТЫЙ. Вы уж извините, мне там все слышно. Невеселый у вас праздник. Я гость – незваный, но подарок сделать имею право. (*Подает Старухе матрешку*). Как бы на память вам. И со смыслом – можно сказать, глобальным.

СТАРУХА. Я люблю, когда со смыслом. Хорошо, что пришли. Садитесь, угощайтесь.

БОРОДАТЫЙ. Благодарю. (*Садится*). Угоститься можно, было б из чего.

НИНА. Я принесу. (*Уходит в кафе и возвращается с прибором для Бородатого*).

СТАРУХА. Ну, рассказывайте, что за смысл у вашей матрешки? Я – в нетерпении.

БОРОДАТЫЙ. (*Наливая себе*) А смысл такой. Матре-

шек – всего три, одна в другой. Большая матрешка – это большая мать человека, родина его. Внутри – вторая. Это уже – родина малая: родители, дети, близкие. А внутри этого – сам человек, простая куколка. Пока они все вместе, одна в одной, они – сила. А куколка без своих матрешек – кто?

СТАРУХА. И кто же она?

БОРОДАТЫЙ. Я не знаю. А вот у вас будет случай узнать. И выпить хочу за то, чтоб куколка не пожалела, что она – без матрешки. (*Пьет*).

СТАРУХА. Это мне-то о себе жалеть? Вы лучше спросите, что за матрешка без куколки?

БОРОДАТЫЙ. А тут и спрашивать нечего: родина без человека проживет.

СТАРУХА. Вы, голубчик, все перепутали: родина – внутри человека, а не снаружи. Человек ее в себе носит, а не на себе.

БОРОДАТЫЙ. А разве ж родина вас в себе не выносила?

СТАРУХА. Ну, если так, то я вам сейчас покажу, про что вы мне тут рассказываете. Вот, смотрите. (*Разнимает большую матрешку, берет среднюю*). Вот это, стало быть, по-вашему, моя малая родина. Ну, родственников, и близких и дальних, я уж давно всех перехоронила. Мужа у меня отняли быстро, детей я с ним нажить не успела. Потом уж узнала случайно, что родители мои умерли от голода вдалеке от меня. (*Разнимает среднюю матрешку, берет куколку*). Винить

никого не виню, а только развалилась моя малая родина: нет ее. Улицу свою родную не узнаю, а дом снесли давно. Детей больше учить не могу, стара. Да и зачем им теперь Пушкин, Александр Сергеевич? *(Показывает на Ксюшу)*. Он на другом языке говорил, а из их речи, бедный, ни слова бы не понял. Так что не осталось у меня, голубчик, ни малой матрешки, ни большой: одна распалась, и другая с ней.

БОРОДАТЫЙ. Большую матрешку собрать можно. И есть, кому ее собрать, и нас много.

СТАРУХА. Собирайте, голубчик: может, что и соберете. Только уж будет без куколки.

БОРОДАТЫЙ. Это как так?

СТАРУХА. Вы же сами сказали: куколка – это человек. Новую куколку растить долго придется, чтоб она в пустоте не болталась. А так вот просто засунуть ее в большую матрешку, что будет?.. *(Ставит куколку в большую матрешку, закрывает и трясет)*. А будет погремушка. Я погремушкой быть не хочу и вам, голубчик, не советую. Даже если много-много погремушек вместе соберутся, все равно будет только одна большая погремушка и ничьей родиной она не делается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.